

Буйленков Иван Олегович
Аспирант БГУКИ, ФКиСКД

Влияние политической культуры Российской империи на дискуссию о восстановлении патриаршества на Поместном соборе Российской Православной Церкви 1917-1918 гг.

Данная статья основана на рассмотрении патриаршества как элемента семиотической системы религиозной культуры. Поскольку вопрос восстановления патриаршества в рамках соборных дискуссий занимал особо важное место, в рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все отношения означения, связанные с патриаршеством как символом [4]. Соответственно, в рамках данной статьи будет рассмотрен лишь ограниченный спектр значений, имеющих отношения к влиянию трансформации политической культуры на культуру религиозную.

В основу данной статьи будет положено принятие тезиса о наличии черт, позволяющих рассматривать политическую культуру Российской империи к концу XIX — нач. XX века как обладающую тенденцией к формированию политической религии [1]. Концепция политической религии восходит к Э. Фёгелину. В своей монографии он не представил четкой дефиниции данного понятия, но выделил ряд черт политической религии отличающих ее от религии. Данное различие Э. Фёгелин указывает в форме решения вопроса о теодицеи. Данный вопрос в той или иной форме рассматривается в большинстве религий, Э. Фёгелин подчеркивает, что возможность достижения совершенства мира не может быть достигнуто без вмешательства извне. Однако возможность решения данного вопроса может быть положена внутри мира, в таком случае речь идет о политической религии, так как политика — сфера наиболее влиятельная на мировые процессы, способная задавать основные векторы развития общества и в том числе разрешения тех мирских проблем, которые, согласно убеждениям, являются основой мирового несовершенства [5, с. 17]. Соответственно, когда достижение тех или иных условий в рамках системы мировоззрения рассматриваются как условия достижения совершенства мира, речь идет о политической религии, а сами условия обретают (квази-) сакральный характер.

В рамках собора о восприятии прежнего политического порядка как сакрализованного встречается в речи протоиерея Л.И. Туркевича: «В Русской Церкви существует обряд миропомазания царей. На личность главы государства мы переносили чувства священного благоговения, окружали эту личность каким-то мистицизмом» [3, с. 550]. Соответственно «прерогативы помазанника должны быть отняты у государства и возвращены первоиерарху» [3, с. 550]. В речи протоиерея Л.И. Туркевича едва ли имеют место стремления к установлению в лице института патриаршества политической религии, однако приведенные цитаты четко демонстрируют одну из проблем восстановления патриаршества после падения имперского строя: риск,

переняв с религиозными прерогативами императора прерогативы политические. На данную проблему указывали противники патриаршества в соборных дискуссиях. Так П.П. Кудрявцев видит в восстановлении патриаршества опасность сохранения и развития элементов характерных политической религии, которые были свойственны имперской России: «вы хотите учреждать патриаршество в то время, когда в составе церковного народа много таких лиц, политические чувства которых вместе с политическим переворотом потеряли для себя точку приложения и как бы повисли в воздухе. А так как такое положение удобством не отличается, они ищут для себя точки приложения и, не находя таковой в политической области, с громадной силой напряжения устремятся в область церковную, как только будет там установлено патриаршество, во многом, без сомнения, аналогичное с царством, по крайней мере, с первого взгляда» [3, с. 651-652]. Соответственно, П.П. Кудрявцев указывает на опасность для церкви включения в политическую жизнь: «Вы вводите патриаршество в то время, когда готова начаться борьба Церкви с государством. В лице Патриарха вы хотите иметь предводителя в этой борьбе. Но ведь если будущий Патриарх примет вашу программу, ему ничего не остается, как сделаться вождем определенной политической партии, чего-то вроде католического центра в Германии» [3, с. 651-652].

В речах некоторых сторонников восстановления патриаршества имели место черты политической религии. По словам священника В.И. Востоков: «Мы переживаем время, когда таинственная, но страшная по своим действиям сила ополчилась на Крест Господа Иисуса Христа. Всемирная могущественная антихристианская организация активно стремится опутать весь мир и устремляется на Православную Русь, которая, при всем своем нравственном падении, при всех своих грехах, носит в себе зерно вечной правды, чистой истины» [3, с. 527-528] — такая характеристика ситуации в обществе и мире имеет для докладчика следствием необходимость вождя, который, с одной стороны, возглавит сопротивление, с другой стороны, станет вразумителем для народа. Протоиерей Э.И. Бекаревич в своей речи описывал тенденции глобализации, которые проявлялись в обществе того периода, данные явления он рассматривал как угрозу наступления силы, «которая признает не Христа богом, а того, кто научил людей бороться с Богом, т.е. разум» [3, с. 536]. Решение же данной проблемы член собора видел в патриархе, «который и принял бы на себя борьбу с новой религией» [3, с. 536]. В рамках двух приведенных аргументов видится оценка значения восстановления института патриаршества как благоприятного условия для блага церкви и общества. Учитывая, что такое благо связывалось ораторами с защитой от достаточно неконкретно описываемых образов врагов, также учитывая, что на более ранних заседаниях собора, часто имели место выступления за формирование представительства от церкви в Учредительном собрании [3, с. 196-197; 272-286], можно предположить, что с институтом

патриаршества также связывались ожидания и политической активности. Такая точка зрения имеет место в работах М.А. Бабкина [1, с. 486].

Таким образом, в рамках представлений о восстанавливаемом институте патриаршества, имели место следы политической религии. При этом столь радикальное виденье роли восстанавливаемого патриаршества, не являлось лейтмотивом дискуссии, и скорее характеризует представления некоторых групп в рамках церкви.

1. Бабкин, М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы / М.А. Бабкин — М.: Индрик, 2011. — 920 с.
2. Буйленков, И.О. Политическая религия в Российской империи в конце XIX — начале XX вв. / И.О. Буйленков // Актуальные проблемы личности, образования и общества в контексте социально-гуманитарных наук. Тезисы II Международной студенческой научно-практической конференции: Сборник статей. — М.: ООО «Издательство РИТМ», 2019. — С. 25-29.
3. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов — Т. 5: Деяния собора с 1-го по 36-е — М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2015. — 938 с.
4. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 45-97.
5. Voegelin, E. Die politischen Religionen / E. Voegelin — München: Fink, 1996 — 69 S.

Бутрим Екатерина Александровна,

Отв. секретарь синодальной комиссии БПЦ по вопросам семьи, защиты материнства и детства, юрист, волонтер МОБО «Центр поддержки семьи и материнства «Матуля»

Информационная безопасность детей в Республике Беларусь: социальные и правовые аспекты

Информационная безопасность детей является важной составляющей национальной информационной безопасности. Информационная безопасность — состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [3; 4]. Без решения этой проблемы не представляется возможным развитие общества в целом. Одним из ключевых нормативных правовых актов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних является Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», согласно ст.11 которого каждый ребенок имеет право на получение, хранение и распространение информации. Ст. 22 рассматриваемого нормативного правового акта гарантирует право ребенка на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. 11.05.2016 в Закон были внесены следующие дополнения: «Право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Меры по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2]. Было предусмотрено создание общественно-консультативного совета по